

Ольга

ЛЕВСКАЯ

*

Вот это вот всё — суета легкослёзных девиц,
скольжение мира вдоль рёбер и холод в паху.
Стеклянные грани сливаются там, наверху,
в бутылочку Клейна, и падают, падают ниц,
как листья, как флаги, как перья изломанных лет,
портреты без черт, но с табличками дат и имён.
Всё это пройдёт, отбирает кольцо Соломон
и сдачу ссыпает в ладонь, и бесплатный совет
на каждом листке календарном впечатан, как гимн,
как фазы луны для садовых растительных дел.
Вот это вот всё, как всегда — кто успел, тот не смел,
кто смел, тот не мог, а кто мог, тот не мог по своим.

*

Когда мир был совсем ребенком,
помпей — деревней в пару домишек,
рыбу ловили руками, а сети — лишнее,
воду в вино обращать не придумал пастырь —
когда мир был ничей, приходи в пустоту и царствуй —
ещё никаких леонардо, ни тени гения,
только игрушки, миски и сновидения.
Потом мир ушёл в подрост и насыпал горстями разное:
Верить, не верить, пахать, отдыхать по праздникам,
механику мира разбавить легендами, мифами,
а гениев смерти и жизни — творений шифрами.
Мир шёл по пути взросления и созревания.
На гениев спрос не рос — потому что заранее
в любом очевиден надрыв, а прорыв потомками
запишется, если дойдут до него с котомками.
Стареет мир — леонардо, магритты и прочие
В миру пожилым не гении — разнорабочие,
которые двинули чуть колесо, не более.
А старый мир красота не спасает от боли.

*

Мы покалечены вечностью. Точит вода песчаник,
море стопой голыши разминает в песчаный порох.
Вечность стоит в карманах струится между
пальцами — вечность гибка, пластична, и детство
ближе к улыбке моря, как липкий пряник
в сумке усталой мамы — залипнет в долах
памяти и случайно, стократно, нежно
выпадет — ближе к вечности. Чем согреться
нам, перебитым дробью секунд? Затворы
щелкают — в пыль песок и в труху дерева,
море стопой разминает усталый камень,
статую, краеугольный валун, колонну.
Тени камней качаются рябью моря,
вечность калечит нежно с улыбкой древней.
Только тот липкий пряник, тот мамин пряник
крепче базальта и мягче стопы бездонной.

*

А Ева ждёт продолжения танца, целует в скважину дверь,
теплеет лоном, протуберанцем из слов в телефон — поверь,
Адам ничего не слышит, не дышит — в горле застряла кость
Яблока, апельсина, вишни, фрукта, который — гвоздь
золота дружбы давно забытой, выпитой в той ночи.
Ева, не торопи событий, не шевелись, молчи.
Адам подбирает цепную псину, гладит жесткий хребет,
снимает ошейник, наполовину въевшийся в песий скелет,
чешет свою безошейную шею, думает, курит дрянь.
Ева готовит для свадьбы очелье, кибитку и балаган,
Ева готовит мятное зелье, тихо ложится в сон.
Адам отпирает отмычкой дверь и плачет, и в унисон
жалобно псина в ночи забыта, тихо ползёт к цепи.
И только Ева чиста, умыта, пахнет мятой и спит.